

Но это ни к чему не привело. Много времени спустя Шаллену как-то случилось беседовать с м-ль де Рамбуйе; разговор коснулся поэмы, и она, полагая, что говорит о чем-то весьма маловероятном, сказала: «Эти стихи либо г-на Годо, либо ваши?». — «Ну да, — ответил он, — их написал я — и никогда этого не отрицал». М-ль Рамбуйе остолбенела от изумления. «Берегитесь, — сказал он, — я вас еще как-нибудь проведу». И в самом деле, он не преминул это сделать, ибо вскоре написал поэму «Орел Империи — герцогине Жюлия». Поэма эта была отправлена м-ль де Лабросс, одной из дочерей принцессы де Конде, и была написана рукой Шаллена, но печатными буквами. Г-н Годо резко заявил, что она ничего не стоит, и был ближе к истине, чем думал сам. Поэму показали Шаллену, который, желая всех разыграть, взял ее в руки и спросил: «Так, значит, это напечатано?». Ему задают вопрос, какую из двух поэм — эту или «Императорский венец», написанный приблизительно на ту же тему, — он предпочел бы сочинить. Шаллен уклоняется от ответа, но маркиз де Рамбуйе решает за него и говорит: «Он предпочел бы быть автором оды». Услышав это, г-н Годо меняет свое мнение о поэме.

Сперва опасались, как бы снова не начались насмешки насчет влюбленности короля Швеции, о которой все говорили, ибо когда м-ль де Рамбуйе проявила почтительное внимание к Королю, ее стали дожимать, что она де в него влюблена; Вуатюр послал ей от имени сего Короля письмо с его портретом, нарядив при этом посланцев на шведский манер.

Вот почему, когда однажды во дворце Конде м-ль де Рамбуйе появилась с бриллиантовой брошью в виде банта, подаренной г-пу де Рамбуйе королем Испании, графине де Шатору, о которой речь пойдет в другом месте, сбитой с толку этими шлетнями, послышалось «Шведский король» вместо «Испанский», и она разболталась о том повсюду. Эти слухи и навели Вуатюра на мысль послать упомянутый портрет и письмо. Позднее, уже после смерти этого государя, г-н д'Ангийя и г-н Годо стали выказывать внимание м-ль де Рамбуйе. В конце концов, поскольку никто не знал, что об этом думать, и не мог угадать, кто же написал «Орел Империи — герцогине Жюлия», вспомнили, что Шаллен похвалялся провеста всех еще раз, и послали к нему Шавароша, дабы спросить у Поэта, не он ли написал «Орла Империи», так же как и «Поэму о Львице». И он сразу же признался в этом столь же простодушно, как и прежде.

Через несколько лет г-жа де Рамбуйе отомстила ему за это. Г-н де Сен-Никола, ныне г-н д'Апже, послал Шаллену альбом гравюр на меди, известных под названием «Шутки Караччо»: это фронтоны генуэзских дворцов. Шаллен дает посмотреть альбом г-же де Рамбуйе. В то же время г-н де Бриенн, не зная, что маркиза уже получила альбом, посылает ей еще один экземпляр, но довольно потрепанный и кое-где порванный. Г-н Конрар пришел к г-же де Рамбуйе, когда у нее была оба альбома. «Прошу вас, — говорит она, — поскольку они перелетены одинаково, передайте от меня альбом господина де Бриенна господину